

Хэ Цзян сделал еще один глоток минеральной воды.

Чего он ожидал? Почему он верил, что Шан Цзин послушно приготовит для него еду? Уже то, что он не отравил еду, было благословением.

Более того, разве он не сказал себе, что достаточно того, что Шан Цзин не взорвал кухню??

С серией положительных мыслей, он справился со своим разочарованием. Ему в конце концов удалось подавить нарастающий гнев.

Его гнев был подавлен, но Шан Цзин был готов взорваться!

Унизить его еду было все равно, что унизить его! Он так много работал, чтобы приготовить это блюдо! Он не сделал ничего странного, не отравил еду, красиво украсил блюдо, обслуживал до и после еды. Взамен он получил лишь этот комментарий?

— Что ты имеешь в виду под «даже собаки не стали бы это есть»?

— Ты что, аристократ, что смотришь свысока на еду, приготовленную обычным простолюдином? Тогда не ешь дома! — Пар поднимался над его головой. Он сел за стол и выхватил вилку и нож из рук Хэ Цзяна. — Если ты не хочешь это есть, то съем я. Мы из разных миров, в будущем нам будет лучше обедать отдельно!

Шан Цзин уже давно потерял аппетит из-за всего этого гнева. Он нарезал говядину на более мелкие кусочки грубыми движениями, стреляя лучами из глаз, как будто мясо, которое он нарезал, было сердцем Хэ Цзяна.

«Раньше он наслаждался этими переваренными пельменями. Теперь, когда я готовлю, он реагирует так?»

«Ищет всевозможные способы прогнать меня?»

Шан Цзин уставился на пюре из фуа-гра на тарелке. Оно было похоже на его разорванное эго, выброшенное на помойку, как кусок бесполезного мусора.

— Небеса даруют людям великое богатство, но сначала они должны страдать умом и трудиться телом, — Шан Цзин читал буддийское писание под нос, чтобы успокоить себя.

Хэ Цзян хотел, чтобы он съехал, но он никогда не съедет! Хэ Цзян сказал, что его еда ужасна даже для собак, тогда он всё доест сам!

Заметив решимость Шан Цзина прикончить стол с отвратительной едой только для того, чтобы позлить его, Хэ Цзян быстро остановил его.

— Не ешь это.

Он платил тёте такую высокую зарплату за то, что она кормила того питательной пищей, чтобы помочь ему выздороветь. Теперь, когда Шан Цзину наконец-то стало лучше, он не мог вынести, как тот ест такую отвратительную пищу, даже если это был маленький кусочек.

Что, если это вызвало бы у него рвоту и потерю даже немного здорового румянца на щеках? Кто бы ему возместил ущерб?

Шан Цзин усмехнулся.

— Оставь меня в покое. Я съем всё до крошки.

Хэ Цзяну надоело с ним спорить. Он достал мусорное ведро и высыпал в него содержимое тарелки.

— Я закажу что-нибудь на вынос.

Когда первая тарелка была выкинута в мусорное ведро, Шан Цзин еще не успел отреагировать. Но когда все, что он приготовил, безжизненно лежало среди мусора, в его ушах раздался громкий шум.

Когда он читал дневник, его просто разозлила простодушная личность прошлого «я», и он не почувствовал ничего особенного от того факта, что Хэ Цзян выбрасывал приготовленную им еду.

Теперь, когда он испытал это на собственном опыте, он смог наконец понять, какие эмоции лежали в основе этого.

Расплавленный гнев струился по его венам, распространяясь по всему телу. Всё его накопившееся недовольство от того, что ему приходилось терпеть и уступать только потому, что он жил под чужой крышей, вспыхнуло и распространилось, как лесной пожар, становясь все больше и больше по мере того, как шло время.

Его глаза налились кровью, но слезы, казалось, испарились от жара гнева. Словно зверь, попавший в ловушку, он набросился на запястье Хэ Цзяна и укусил.

— Шшш... — Хэ Цзян сжал мышцы руки. Подсознательно он хотел отдернуть руку назад. Но когда он увидел, что Шан Цзин сжал в кулак вилку и нож, он остановился. Он закрыл глаза и

посмотрел вверх, чтобы не дать слезам боли упасть.

Что если он прибегнет к использованию ножа, если он помешает ему сейчас кусать себя?

Боль в запястье заставила его понять, где он ошибся.

В своей спешке избавиться от этих отвратительных продуктов, а затем заказать еду на вынос для всеобщего блага, он упустил из виду одну вещь.

Шан Цзин до сих пор не знал, насколько плоха на вкус его еда.

Он успел выбросить все блюда, прежде чем этот негодяй откусил кусочек и понял, насколько отвратительно фуа-гра со вкусом баранины и говядины.

Хэ Цзян почувствовал, что у него разболелась голова, пока он смотрел на говядину размером с кирпич в мусорном ведре.

Он никак не мог достать её из мусорного ведра, чтобы Шан Цзин попробовал...

Избавляться от улик, выгодных ему самому, Хэ Цзяну еще не доводилось. Он попытался вспомнить процесс приготовления еды Шан Цзином, чтобы дать ему понять, в чем суть проблемы.

— Я не пытаюсь усложнить ситуацию. Просто еда действительно странная на вкус.

Услышав это, Шан Цзин отпустил его запястье и закричал:

— Что тут странного?! Я не отравлял еду и не добавлял в неё ничего странного. Это обычный кусок вареной говядины! Как это может быть отвратительно?!

Хэ Цзян не сдался. Он спокойно продолжил допрос:

— Как ты его приготовил? Каков процесс?

Шан Цзин холодно рассмеялся, его глаза все еще были красными от гнева.

— Я следовал обычному рецепту! Я вскипятил воду, добавил туда мясо, а затем посолил его. Разве не так обычно поступают с первоклассными ингредиентами? По крайней мере, так говорят профессионалы! Где я ошибся? Или это потому, что твои ингредиенты недостаточно высококлассные?!

Хэ Цзян медленно сказал:

— Да, ты можешь сделать так с мохнатыми крабами.

Что касается других ингредиентов, то для них требовались дополнительные действия.

Внезапно Хэ Цзян кое-что понял. Он спросил:

— Почему ты не приготовил крабов?

Если бы он это сделал, то, по крайней мере, было бы одно блюдо, которое он мог бы похвалить.

Полные слёз глаза Шан Цзина внезапно застыли. Его сердце пропустило удар. Он пробормотал:

— Я не смог заставить себя поймать их... — после чего побежал на кухню.

На полу кухни стоял ящик, но в нем не было ни одного мохнатого краба.

Шан Цзин присел на корточки возле ящика и запаниковал. Чувство вины переполняло его.

«Ааах... Так вот почему я все время слышал как что то шуршит позади меня во время готовки?»

Хэ Цзян вытер слюну со своего запястья. Следы зубов на нем были явными и глубокими. Но кровь не шла, что означало, что Шан Цзин проявил некоторую сдержанность.

Хэ Цзян проследовал за Шан Цзином на кухню и посмотрел на пустой ящик. Он осторожно спросил:

— Крабы в кастрюле?

Шан Цзин опустил голову.

— Они сбежали.

«...»

Хэ Цзян подсознательно взглянул на двери комнат в доме и почувствовал, как кровь отхлынула от его лица.

Все двери были приоткрыты.

Три раза — это уже проклятие. Сегодня он уже дважды довел Шан Цзина до слез, и теперь у него не было смелости возложить на него ещё какую-либо вину.

Он достал телефон и позвонил тётушке.

— Сколько мохнатых крабов вы купили?

— Восемь! Благоприятное число! Крабы сейчас в самом лучшем состоянии! Не забудьте съесть их вовремя.

— Хорошо, спасибо, тётя.

Закончив звонок, он взъерошил голову Шан Цзина и сказал нежным голосом:

— Пойдем поищем их.

К счастью, дно кухонных шкафов было запечатано. Вооружившись перчатками и фонариком, Хэ Цзян нашел двоих из них под холодильником.

Это означало, что остальные шесть прятались на кухне и в комнатах.

Под диваном и телевизионной консолью, за горшками с цветами, Хэ Цзян перенес и передвинул каждый предмет мебели в доме, который касался земли, просто чтобы найти пропавших крабов.

Шан Цзин, с другой стороны, следовал за Хэ Цзяном с маленьким желтым ведром. Глядя, как Хэ Цзян присел на пол и использует метлу, чтобы прогнать краба таким жалким образом, его гнев рассеялся.

Хэ Цзян издевался, бросая краба в ведро:

— Ты счастлив видеть, как я страдаю?

Шан Цзин немедленно изменил выражение своего лица на выражение крайней печали.

Хэ Цзян посмотрел на него и внутренне вздохнул. Как он мог после этого приказывать ему что-либо сделать?

— Двигай ногами.

Шан Цзин: «О-о.»

Шан Цзин подумал об этом и поставил ведро на пол. Он прошел в уборную и взял оттуда швабру.

— Раз ты уже передвинул мебель, давай вымоем пол.

Хэ Цзян: «...»

Никогда, никогда больше нельзя не позволять Шан Цзину готовить и мыть полы, иначе это действительно будет катастрофой.

Шан Цзин должен был как эти изнеженные учёные каждый день просто поливать растения.

К счастью, растения в его доме всё ещё были относительно живучими.

Хэ Цзян продолжал поиски и мыть полы даже после захода солнца.

Им все еще не хватало одного краба.

Он даже начал подозревать, что Шан Цзин съел последнего и не сказал ему об этом. Он специально проверил мусорное ведро на предмет остатков краба.

С тех пор, как он купил виллу, он всегда нанимал уборщиков для её уборки и никогда не делал этого сам.

Благодаря Шан Цзину он открыл для себя новый мир правильных пропорций воды и дезинфицирующих средств для мытья полов.

Тем временем Шан Цзин задремал на диване, устав от слез. Накрыв его одеялом, Хэ Цзян неустанно продолжал поиски последнего краба.

Через час Хэ Цзян нашел умирающего мохнатого краба под колёсами своего красного спортивного автомобиля в гараже и вздохнул с облегчением.

Он заказал еду на вынос и вернулся в свою комнату, чтобы принять душ. К тому времени, когда он высушил волосы и вышел из своей комнаты, Шан Цзин уже проснулся, а еда счастливо стояла на столе.

Из восьми крабов только шесть были съедобны. С четырьмя блюдами и супом, заказанными в отеле, это можно было считать роскошным ужином.

Работая сегодня без перерыва шесть часов, Хэ Цзян уже был слишком голоден, чтобы разговаривать. Атмосфера была настолько гармоничной, что Хэ Цзян посетовал: если бы они заказали еду на вынос в полдень, не было бы так много проблем.

Он не продумал об этом, заставляя Шан Цзина, выросшего в американской школе-интернате, готовить китайские блюда.

— Почисти коробки с едой. Я собираюсь вздремнуть, — Хэ Цзян уже устал от всего, что произошло сегодня. Но он быстро добавил, опасаясь, что что-то еще может пойти не так: — Если ты не хочешь этого делать, то просто оставь их как есть.

Днем Шан Цзин приготовил еду для Хэ Цзяна будучи голодным, а тот отказался от этих блюд. Это действительно спровоцировало его. Но теперь, когда он набил живот, он стал на удивление разумным.

Он положил относительно полные остатки в холодильник, взял большой пакет для мусора и по крупяцам упаковал коробки с едой на столе.

Благодаря этому, уже второй мусорный пакет за сегодня был заполнен.

Шан Цзин завязал мешки для мусора узлом, переобулся и вышел выбросить их.

Небо было темным, и осенний дождь вот-вот должен был политься. Шан Цзин посмотрел на два больших мешка с мусором в своих руках. Вместо того, чтобы положить их в мусорное ведро у входа на виллу, он прошел несколько шагов до большого зелёного мусорного бака на перекрестке.

Когда он выбросил мусор, чёрный пакет рядом с баком зашевелился.

Шан Цзин отскочил от шока. Успокоив свое бешено бьющееся сердце, он присмотрелся. В пакете снова что-то двинулось. На этот раз он мог ясно видеть силуэт существа внутри мешка. Оно было размером с ладонь, слабое и жалкое. Оно было даже неспособно издать звук. С черным пакетом, прикрывавшим его, он почти полностью скрылся в ночной тьме.

Шан Цзин подумал о некоторых владельцах кошек, которые отказывались стерилизовать своих кошек. Когда их кошки рожали, они безжалостно выбрасывали этих котят. Несмотря на то, что это был элитный район, не было никакой гарантии, что в этом районе не живет кто-то вроде таких людей.

Кроме того, Шан Цзина сегодня чуть не выгнали из дома, и он сильно сочувствовал бедняжке.

Он хотел забрать его и ухаживать за ним дома.

Но Хэ Цзян и он теперь были арендодателем и арендатором. Его арендодатель может не разрешить ему держать домашних животных в доме.

Шан Цзин ещё некоторое время смотрел на котенка, затем стиснул зубы и побежал домой.

Хэ Цзян, видимо, был очень измотан. Он даже не запер свою дверь.

Шан Цзин бросился к его постели и начал тормошить спящего Хэ Цзяна, крича:

— Домовладелец! Домовладелец!

Хэ Цзян не отреагировал.

Шан Цзин присел возле его уха и прошептал:

— Хэ Цзян, я хочу оставить себе котенка.

Глаза Хэ Цзяна приоткрылись. Он взглянул на Шан Цзина, протянул руку и взъерошил ему волосы. Казалось бы, приказывающим, но нежным и усталым тоном он прохрипел:

— Не шуми.

Затем он перевернулся, зарывшись головой в простыни.

Шан Цзин не успокоился. Он подбежал к другой стороне кровати и несколько раз толкнул его.

— Домовладелец, Хэ Цзян!

Снаружи бушевал гром. Увидев, что Хэ Цзян не просыпается, он хлопнул его по талии и закричал:

— Муженек!

Шан Цзин, наконец, понял, почему Хэ Цзян не хотел, чтобы он называл его «муженьком». Потому что каждый раз, когда он это делал, на лице Хэ Цзяна появлялось странное выражение.

«Это хорошая находка. Надо будет почаще использовать это в критические моменты.»

Хэ Цзян: «...»

Он сел в кровати, немного раздраженный тем, что его разбудили, но в итоге не решился выразить свое недовольство.

— Что такое?

Шан Цзин поднял брови. Казалось, называть его «муженек» все еще очень эффективно. Очень искренним тоном он сказал:

— Я хочу оставить себе котенка.

— А о себе ты позаботиться можешь?

— Мне приглянулся котёнок.

— ...Тогда позаботиться о нём.

— Он рядом с мусорным баком.

Глаза Хэ Цзяна были полузакрыты.

— Так?

— Можешь помочь мне поймать его? Пожалуйста...

— Разве ты не можешь сделать это сам?

Шан Цзин вздрогнул от страха.

— Я не могу прикоснуться к нему. Я боюсь, что он убежит.

Хэ Цзян потерял дар речи на две секунды. Вспоминая, как сегодня вел себя Шан Цзин, он предпочел бы поймать котёнка сам. Ведь ему не хотелось бы обыскивать все три этажа дома ночью в поисках котёнка, который может бегать быстрее краба.

— Чем я тебе задолжал, чтобы заслужить это? — Хэ Цзян вылез из постели, все еще чувствуя раздражение, и надел пальто. Он приказал: — Принеси коробку.

Шан Цзин радостно подошел к стойке для обуви и вытащил коробку из-под обуви. Убрал премиальные кожаные туфли Хэ Цзяна, он положил на их место несколько слоев бумажных полотенец.

— Пошли, пошли!

Под руководством Шан Цзина, Хэ Цзян нашел черный дрожащий пакет рядом с мусорным баком. Он надел пару одноразовых перчаток и открыл пакет.

Внутри была большая черная крыса, прилипшая к липкой доске мышеловки.

Шан Цзин, стоявший позади него, заглянул через плечо, чтобы посмотреть на ситуацию.

— Ну как там?

Вены на висках Хэ Цзяна вздулись. Не раздумывая, он снял перчатки и выбросил их в мусорное ведро. Ярость пронзила его, когда он взревел:

— Шан Цзин! Ты сделал это специально?!

Шан Цзин закрыл уши. Из чувства вины он выпалил:

— Муженек, прости.

Хэ Цзян: «...»

«Я сойду с ума.»

<http://bllate.org/book/14558/1289642>